

18+

ЕЛЕНА ТИХОНОВА

ПОСЛЕДНИЙ СТИКЕР

Елена Тихонова

Последний стикер

«Издательские решения»

Тихонова Е.

Последний стикер / Е. Тихонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-703954-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Быль
или небыль. Близко ли, далёко. Долго ли, коротко. В какие времена —
неведомо. Только случилась эта история не на небе — на Земле.

ISBN 978-5-00-703954-3

© Тихонова Е.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2. Вступление	8
3. Стикер первый	13
4. Стикер четвертый	19
5. Стикер пятый	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Последний стикер

Елена Тихонова

© Елена Тихонова, 2026

ISBN 978-5-0070-3954-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Жанр: городское фэнтези. События разворачиваются в условном пространстве: небольшой старинный городок. Вполне современный, но избежавший соседства с гигантами производства.

Основные действующие лица:

ОНА: женщина, слегка за 30. Оказалась в незнакомом месте, почти без воспоминаний о прошлой жизни. Из сохранившегося в памяти только смутное ощущение, что таков результат ее выбора. Осознанного решения, горячего желания понять свое Я. Ведь человек, понявшие свою природу, получает возможность перевести жизнь на другие рельсы. Она готова идти до конца и победить во чтобы то ни стало.

ОН: очень дорогой человек; жизнь их развела в разные стороны, но тоска по несбывшему мучает обоих. Герой почти не проявляет себя. Незримо присутствует за кадром. Однако именно ради него героиня и совершает свой подвиг.

ХОЗЯИН (хозяин кафе): хранитель места силы. Для большинства людей он остается всегда веселым, радушным, доброжелательным владельцем любимого заведения. Человеком без возраста. Никто не знает, откуда он пришел, где прошла его молодость. Но целые поколения жителей помнят его в возрасте 50+. Лишь те, кто решился пройти через «перезагрузку», начать жизнь с новой строки, находят в его лице бесценного помощника. Ненавязчивого, предусмотрительного, сопереживающего.

НАСТАВНИК: личность непроявленная. Без возраста, имени, гражданства, облика. Право на обучение получает только тот, кто искренне и бескорыстно хочет понять самого себя. Кто готов признать ошибки, а значит — изменить судьбу. Нет никакой машины времени, волшебной палочки, пришельцев из будущего. Только готовность следовать указаниям Наставника.

Героиня (как и другие ученики до нее) получает крышу над головой и работу в кафе «Путник». Обстановка комнаты аскетична. Все только самое необходимое. Кроме тахты, стеллажей с книгами, письменного стола, есть школьная доска. А на ней — 24 стикера. Разноцветных записочек с вопросами. Оторвавшись от доски, стикер превращается в страничку дневника. Чистый листок, который непреодолимо тянет заполнить нахлынувшими воспоминаниями. Поток сознания, который удивительным образом выносит к правильному ответу.

Как только процесс завершается, дневник снова превращается в стикер. Только на этот раз на нем проступает ответ, написанный рукой Наставника.

И так раз за разом. Стикер за стикером.

События происходят в обычной обстановке: магазинчик, автомастерская, городская площадь, пляж... Но сквозь обыденность проступают неожиданные встречи. Общение с людьми, живущими по вселенским законам. Знающим правила чередования причин и следствий.

Именно это знание делает нас счастливыми и разумными. Не просто рабами судьбы, а опытными капитанами в океане иллюзий.

Каждый стикер это огромный и важный фрагмент прошлого. Прошедшего, но не понятого. На разгадку могут уйти дни и даже недели. Время, заполненное обычными делами. Привычными встречами. Работой, разговорами с местными жителями. Никаких чудес. Вроде бы ничего не происходит, и в то же время происходит что-то важное. Существенное для изменения внутреннего мира героини. А значит, и для внутреннего мира героя тоже.

Следуя от одной ситуации к другой, читатель невольно оглядывается на свой жизненный путь. Примеряет события своей жизни. С чем-то соглашается, что-то опровергает. В любом случае идет процесс душевного труда. самого невидимого и самого непростого.

Как только будут получены все 24 ответа, героиня замкнет круг неведения. Найдёт своего Ана, вспомнит, что её зовут Юна. И что она, подобно девушке из сказки, решилась сносить семь пар железных сапог ради обретения Любви.

2. Вступление

*Шриле Нараяна Махараджу,
с любовью и преданностью*

Чашка горячего шоколада. Озябшие руки впитывают ее тепло. Теория большого взрыва в действии. Происхождение вселенной. Моя вселенная рождается из чашки горячего шоколада. Она как центр мироздания. Надежная опора. Краеугольный камень. Главное не испугаться. Не закричать. Не сорваться в паническое бегство. Тогда шаг за шагом можно освоить новое пространство.

Почему ничего не помню... Кто я? Откуда пришла? Что делаю здесь? Знаю, что у меня была целая жизнь. Что добровольно отказалась от прошлого. Но зачем... что должна сделать... Вернее, что так неистово хотела сделать, что ушла из налаженной жизни. Только бы не закричать. Только бы все не испортить. Господи, как страшно... Может лучше вернуться назад... Может это дурной сон.

Бесконечные струи бегут по стеклу. Промокшие ноги. Зонт, что уже не в состоянии защитить от дождя, приبلудным псом свернулся у ног. Все не так уж плохо. Плохо, но не слишком. Чтобы не упасть в пропасть, надо смотреть вперед. Чтобы вспомнить, надо идти вперед. Чтобы дойти до цели, надо идти вперед. Вперед. Шаг за шагом. Что же будет первым шагом... крыша над головой... еда... работа.

Здесь внимательный хозяин. Может, его попросить о помощи. Все равно просить больше некого. Других посетителей нет. На улице дождь смыл всех прохожих. О том, чтобы сдвинуться с места, даже страшно подумать. Эти хлюпающие ботинки. Эта промозглая одежда. Эта заунывная мокреть на улице. Нет. Простое решение — лучшее решение.

Какой затейливый иероглиф на кружке. Похоже на «нога» и «домик». Может, это китайский ресторанчик? Вроде нет. Обычное кафе. Правда, очень уютный зал — деревянные столешницы отливают янтарем, на барной полке коллекция керамических кружек, аромат ванили и горького шоколада. Надо спросить хозяина. Хороший повод для начала разговора.

— Простите, как называется ваше заведение?

— «Путник», мисс

— А почему иероглифы? Это японские?

— Нет, мисс, китайские. Это иероглиф «путь».

— Красивый. И печальный. Похоже на дом, к которому никак не дойти.

— Печально, когда дорога привела к дому, в котором нас не ждут. А этот дом очень гостеприимный. Точнее, это наш родной дом. Надо только в него вернуться. К нему много путей. Достаточно выбрать один и пройти до конца. Только вот желающих мало. Кстати, мисс, почему это вас заинтересовало?

— Просто у вас повсюду этот рисунок — на коврике у двери, на потолочной балке и даже не колокольчике. Вот в глаза и бросилось.

— Редко кто поднимает взгляд выше кружки или лица собеседника.

— «Путь», «путник», «на распутье»... А что делать человеку на распутье? Может подскажете...

— Может и подскажу. А может это вы мне подскажете. Вы — первая, кто спросил о рисунках. А ведь кафе мое редко пустует. Обычно здесь весело и шумно. Людям нравится моя выпечка и шоколад. Они назначают здесь свидания. Деловые встречи. Приходят с семьями. Но даже дети ни разу не спросили про рисунки. Может потому, что шоколадные фигурки им нравятся больше.

— Скажите, а что это за надпись над аркой? И можно ли подняться по этой лестнице?

— О, мисс, вы действительно видите эту арку? Тогда вам точно можно подняться по лестнице. И как можно скорее. Не беспокойтесь о багаже, я все принесу в вашу комнату.

— В мою комнату? У меня есть комната?

— Теперь есть. Ведь вы ее увидели. А надпись очень простая: « даже путь в тысячу ли начинается с первого шага». Это сказано Мудрецом. Может, он откроет вам свое имя. Раз уж принял в ученики и приветствовал ваше появление. Арку и лестницу могут увидеть только люди, ищущие свой путь. Некоторые видят бледный рисунок арки. Кто-то считает это подсобкой или входом в склад. Но сразу арку, лестницу и надпись видят очень немногие. Должно быть, ваше сердце очень искренно и решительно, раз Учитель подарил вам наставление.

— А как можно его увидеть? Ведь Учителю надо поклониться.

— Поклонитесь ему в сердце. Это будет лучшее приветствие. А увидеть его можно будет потом. Сейчас наши глаза сродни глазам новорожденных щенят. Закрыты невежеством.

Наверное все же я сплю. Но рука уже скользит по перилам. Глаза жадно ищут, что там, за поворотом. Сердце бьется глухо и редко. Каким-то низким тоном. Наконец вижу комнату. Вполне обычную. Деревянные половицы цвета янтаря. Книжные стеллажи вдоль стен. Тахта, застеленная пледом в крупную бордово-черную клетку. Слева, почти в углу большое окно. Из которого падает свет на письменный стол и школьную доску. Если сесть за стол, то окно и весь мир за ним остается по правую руку. А перед глазами оказывается целая куча разноцветных стикеров. Желтые, красные, зеленые, квадратные и фигурные. Надпись на каждом сделана одной рукой. Всего двадцать четыре штуки. Двадцать четыре вопроса. Сорванный стикер превратился в страничку дневника. Аккуратно разлинованную и девственно чистую. Впрочем, нет. С доски слетает еще один стикер. В пару к первому. И вот уже на обоих листочках начинают проступать заголовки: «Кто Я?» и «Где Я?».

* * *

Это сумасшествие никогда не закончится. Никто ни за что не отвечает. Всем наплевать, что артист тоже человек. Из плоти, крови и комка оголенных нервов. Когда штангист тягает свое железо, то к нему никто не пристаёт. Во-первых, и получить можно ненароком. А во-вторых, всем понятно — человек занят. Даже так — ЗАНЯТ. Категорически. И нечего его доставать глупым графиком.

Артиста доставать можно. И даже нужно. У него ведь нет в руках железа. Так что если что и «прилетит», то словесно. Хотя, скорее всего, не прилетит. Он же служитель культуры. Сеятель разумного, доброго, вечного. Воспитанный человек. Постесняется быть грубым. Даже невежливым быть постесняется. Будет демонстрировать понимание и терпение. Хотя никакое терпение не выдержит, когда неделя работы улетела псу под хвост. В никуда. Бах — и испарилась. Не нужна была ваша работа, уважаемый господин. Зря напрягались. Мы передумали убивать героя. Рейтинги высоки, шоу должно продолжаться. А посему даем вам сутки на изучение нового варианта сценария. И, будьте любезны, выстроить новую концепцию своего героя.

Чего ты разнылся. Ты же артист. Профи. Человек с тысячей масок. И не впервые попадаешь в такую ситуацию. Или дело в том, что слишком прирос к своему персонажу. Стал его сиамериканским близнецом. Несерьезно это, господин артист. Эдак ненароком скончаешься во цвете лет, изображая умирающего. Писатели иногда пишут «в стол». Артистам тоже порой приходится прятать свои маски в никуда. Хотя, как же в никуда. Ведь ты жил как этот персонаж. Дышал как он, ходил, думал, переживал, метался. Значит, маска останется в твоём сердце. Ты же сэкономил целую жизнь, жадина.

Хватит врать самому себе. Ах, мы напрасно трудились. Ах, этот господин Рейтинг, в угоду которому приносятся жертвы. Никаких особенных жертв. Одел маску — снял маску.

Ничего выдающегося. Просто ты хотел показать Ей, насколько успешен и талантлив. Пусть помучается.

Пожалее, что променяла твою любовь на успех и деньги этого писателя. Тогда ты был никем. Какие у студента деньги. Одна работа без продыха. Бесконечные кастинги, неудачные пробы, километры текста несыгранных ролей.

Как же ты его ненавидел. Этого писателишку. Властителя дум и повелителя сердец. В основном женских. Как же ты хотел думать, что Она искала удобной жизни, но любила только тебя. Эта мысль заставляла трудиться как одержимому.

Да ты и был одержим. Ты и сейчас одержим. Только уже не любовью, а жадной реванша. А ведь должен быть им благодарен. Посмотри с другой стороны — если тебя тогда не предали, стал бы ты Актером? Вот уж вряд ли. Ты бы стал верным рыцарем. Исполнителем желаний. Машиной для обеспечения комфорта.

Ладно, была запланирована высокая трагедия. Почти Гамлет. Ключевое слово «почти». Что там с менеджером. Суется, бедолага. Связывает несвязуемое. Налаживает разлаженное. Ничего, разберется. Кажется, уже разобрался. Интересно, что у нас будет по графику — комедия, мелодрама, детектив? О, фантастическое предложение. Писатель с Супругой ждут Актера на светском рауте. Кажется, в качестве гвоздя программы. Свадебного генерала. Трехъярусного торта. Будет им Актер. Будет вам и белка, будет и свисток.

Тоска. Какая же тоска — эти исполненные желания. Элегантная. Дорого одетая. Хорошо воспитанная тоска. Ни одного открытого лица. Только маски. Неужели все эти годы я любил маску? Пустую, холодную маску. Н-да... смешно... Как там гадалки приговаривают — чем дело кончилось, чем сердце успокоилось? А ничем оно не успокоилось. Бьется пока еще. Ищет. Уже нашло успех, славу, любовный мираж. Обеспечило телу комфорт и уют. Сколько еще открытий предстоит. Чудных и не очень.

Почта. Конверты, конвертики, конвертища. Приглашаем. Обожаем. Обратите внимание на наш сценарий. Зазывают, кто пестротой красок, кто золотым тиснением. В этой массе белый конверт выглядит странно. Записка из «Путника». Почему именно сегодня? А может, хорошо, что именно сегодня. Удобно поставить точки над *i* в один день. Ну и что, что дождь. Дождь — это то, что надо. Необходимо действовать, бежать, суется. Все, что угодно, лишь бы не эта тоска.

Сколько лет ты там не был? А ведь хозяин «Путника» относился к тебе как к сыну. Даже лучше, чем к сыну — никаких вопросов, наставлений, попреков. Хотя ведь было за что. Ангелом ты никогда не был. И великим аккуратистом тоже. Даже порядочным человеком себя не показал — не попрощался. Только записку оставил.

В ту ночь мой мир разлетелся на осколки и разверзлись хляби небесные. Она сказала, что выходит замуж. Замуж, какое смешное слово. Особенно, когда этот «замуж» не за тебя.

Таксист затормозил прямо у двери «Путника». Станный сегодня дождь. Просто июльский ливень сентябрьской ночью. Короткий марш-бросок сквозь водяную завесу и ты уже стряхиваешь капли на знакомый коврик у двери. Все те же кружки на полке, янтарные столешницы. И даже колокольчик с иероглифом «путь».

Что со мной не так? Словно не было прошедших лет. Вместо Артиста лохматый глупый щен тычется носом в плечо Хозяина. Стыдно. Да нет, ничего не стыдно. Разве стыдно быть самим собой. Интересно, моя комната все та же? С книгами по актерскому мастерству, клетчатым пледом и школьной доской. Сколько ролей было там сыграно. Сколько судеб пережито. Перила послушно скользят под ладонью. Аромат ванили и горького шоколада. Большой желтый конверт на письменном столе.

* * *

Шаги на лестнице выводят из задумчивости. Хозяин с утренней кружкой горячего шоколада деликатно стучит в открытую дверь. Почему-то дверь хочется всегда держать открытой. Может это страх потерять связь с внешним миром? Страхочный трос для путешествующих в неизвестность? Который день сижу над этими листочками дневника. Сижу в комнате, где ничего не происходит. Ровным счетом — ничего. Ничегошеньки. И все же что-то неуловимо меняется. Сегодня даже хозяин обеспокоился моим отсутствием. Вот, принес мой шоколад в комнату.

— Мисс будет завтракать?

— Спасибо, что-то не хочется.

— Сегодня шоколад особенно удался. Как никогда. Могу я чем-нибудь помочь, мисс?

— Хотелось бы. Только не знаю, чем. Может, вы знаете кто писал на этих стикерах?

— Знаю. Даже могу показать записку, оставленную этим человеком.

— Ох, вы — просто чудо!

— Но сначала — завтрак. Путешествовать надо сытым. Тем более, путешествовать в других измерениях.

— В других измерениях? О чем вы?

— Каждый из нас живет в своем мире. Время от времени миры встречаются. Пересекаются. Иногда получается так, что человек закрывается в своем мире. Тогда кто-то должен прийти ему на помощь. Покинуть свое измерение и открыть дверь в другое.

— Как интересно и непонятно. Есть вы, есть я, есть эта комната и это кафе. О каких измерениях может идти речь?

— Мисс до сих пор не помнит, кто она. Откуда пришла. Значит, мисс покинула свое измерение. Покинула, чтобы прийти кому-то на помощь. Кому-то очень нуждающемуся. И очень близкому.

* * *

«Хозяин, простите. Я снова убегаю в никуда. Наверное, свинство — мое нормальное поведение».

Пора. Записка с условно внятными объяснениями готова. Стикеры из конверта образовали причудливый узор. Доска с ними выглядит как произведение искусства. Или как карта. Карта страны сокровищ.

* * *

— Эту записку написал мой хороший друг. Надеюсь, она вам поможет, мисс.

— Вы будете меня ждать? Из этих.. самых... неведомых измерений...

— Непременно, мисс. Уверен, что у вас все получится.

— Хотелось бы мне тоже быть такой же уверенной...

* * *

«Дорогой Хозяин!

Если вы читаете эту записку, значит я все же решился на поиск своего Я. Жизнь уныла и бессмысленна, если ты не понимаешь своего предназначения. Спасибо за понимание и поддержку.

До встречи. Ваш глупый Ан»

* * *

«Глупый Ан», так называл себя мужчина моей жизни, когда оказывался на перепутье. Глупый Ан и мудрая Юна. Юна-а-а. Конечно же я — Юна! Юна — хранительница. И Юна — предательница. Нет, теперь я Юна — спасительница. Во что бы то ни стало. И пусть мой мир подождет.

3. Стикер первый

4. Стикер второй

Солнечные пятна резвятся на листах дневника. Им весело гоняться друг за другом. Интересно, сколько дней я бессмысленно таращусь на эти вопросы: «Кто Я?», «Где Я?». Можно придумать еще целый десяток подобных загадок: какой Я? зачем Я? и что такое это Я... Наверное, тысячи и тысячи мудрецов искали ответ на этот вопрос. Может, ученые мужи скоро откажутся его рассматривать, как перестали обсуждать проекты вечного двигателя. Зачем нам это Я? Живем же как-то...

Вот именно, как-то. От завтрака к ужину. От нового года — к новому году. От первой любви к... Куда же мы идем от первой любви? Ко второй? К третьей? И сколько их, этих любовей уместается в одну жизнь.

Моей первой любовью была нянюшка. Моя Алексеевна. Ласковая, заботливая хлопотунья. За ней можно было прятаться от всего мира. Такого страшного, громкого, давящего и ничего не понимающего мира. Мы были самые-самые близкие люди. Понимали друг друга с полуслова. Даже без слов понимали. Когда же это было... сто, тысячу, миллион лет назад. Или вчера. Не важно. Что делали, о чем говорили — не помню. Да нам и не было нужды говорить, когда мы были друг у друга. Вечером приходили мама и папа, и нянюшка уходила в свой дом. Но мы знали, что всегда рядом. Даже если не видим друг друга. Даже когда перестанем видеться. Совсем перестанем.

Кажется, мама ревновала. Всегда говорила подчеркнуто приветливым голосом. Заставляла называть нянюшку Марией Алексеевной. Моя красивая, всеми обожаемая мама ревновала к этому взгляду необыкновенной доброты. К нашему единству. И даже к седине. На всю жизнь седина волос стала для меня образцом красоты. Как шерсть белоснежного единорога.

До сих пор уверена, что моя Алексеевна никогда не уходила. Просто в тот дом возвращалась другая женщина. Которая помогала дочери, растила внука, делала домашние дела. У кого-то в детстве был воображаемый друг. Добрый или злой советчик. У меня была Алексеевна. Добрая, теплая и веселая, когда мы были вдвоем. Невидимая, когда появлялись рядом другие люди. Эту невидимую Алексеевну боялось все зло на земле.

Алексеевна была Любовь. Та самая, могучая невидимая Любовь. Просто иногда она одевала наряд нянюшки, чтобы ее могли видеть другие люди. Станные другие люди не видели Любви. Они замечали порванное платье, ссадину на коленке, подгоревший блинчик — замечали все, кроме главного. Почему в ее сердце я была главной? Не знаю. Ведь сейчас взрослым умом можно понять, что на первом месте была дочь. Или внук. И все же, ее сердце билось для меня.

Кажется, это было в три года. Я болела. Что-то мучительно-температурное. Настолько мучительное, что хотелось уйти. Наверное, даже попыталась уйти. Вернее, сбежать. Но пришлось вернуться. Очнулась ночью. Свет лампы. Суeta взрослых. У меня в ладонях по золотому сияющему шару. Сейчас они — самое главное. Удивительные как шаровая молния. Ручная шаровая молния. Домашняя. Для личного пользования. Мои шары были веселыми и добрыми. И еще, они были подарком. Напоминанием, чтобы не было в этом мире так одиноко и грустно. Теперь у меня была Алексеевна и шары-молнии.

На тумбочке флакон духов в виде светильника с абажуром. Пузатый флакончик с красной в белый горох крышкой-абажуром. Было не страшно. Терпимо грустно. Потому, что эти взрослые у кровати ничего не понимали. Их мысли оставались за прозрачной завесой. По ту сторону. В том мире, куда не хочется возвращаться. Только Алексеевна могла понять мою грусть, радость от флакончика-лампы. Только она могла понять драгоценность золотых шаров.

В пять лет, когда с Алексеевной пришлось расстаться, я долго была уверена, что воспитываюсь приемными родителями. Они меня любят, балуют, заботятся и гордятся. Но понять может только Алексеевна. Приемные так приемные. Придется потерпеть. Рядом с любовью Алексеевны все можно перетерпеть. Просто так надо.

Потом были встречи, знакомства с другими детьми. Детский сад. Школа. К пятому классу привыкла, что никто не может видеть золотых шаров. Просто это мир слепых. Пришлось тоже притворяться незрячей. Как-то окаменела. Стала злее и насмешливее. Научилась быть высокомерной и обидчивой. Маленькая девочка со взрослым взглядом. И тут, на самой грани рассвета, бегу на веранду. Ранняя осень, предутренняя свежесть. За окном Алексеевна. Почему-то печальная и встревоженная. Но почему она молчит? Почему не заходит в дом? Наверное, не хочет будить взрослых. Ты так давно не приходила. Неужели у моей сребровласой Марии нет для меня ни словечка. Но я знаю, ты меня не бросила. Просто так надо. Она вглядывается в меня бесконечно любящим взглядом. И вдруг как всхлип. Отчаянно. Не мысли, не слова — прямо из сердца: «Ну как же я оставлю мою девочку!». Эта горечь моментально смыла все презрение к людям, всю окалину на сердце. Ее девочка! Ее девочка забыла, как это — видеть Любовь, нежиться в ее целительных игристых водах.

Утром мама сказала, что Алексеевна умерла.

На похороны детей не берут. Поэтому меня там не было. Но зачем прощаться с куклой, лежащей в ящике. Эти испуганные, растерянные люди никогда не видели настоящую Алексеевну. Только куклу в наряде няни. Разговаривали с куклой. Обижались на куклу. Или сами ее обижали. Этот странный мир вечно живущих, которые считают себя куклами. И страшно бояться, что с них сойдет краска. Или оторвется рука. И что когда-нибудь их тоже положат в коробку и будут плакать. А потом вернуться домой и станут решать свои, кукольные проблемы. Оставаясь несчастными, обиженными, растерянными и ничего не понимающими в этом кукольном мире.

* * *

Листок дневника с вопросом «Кто Я?» снова превратился в стикер. Обычный квадратный стикер из бумаги цвета летнего, белесого, выцветшего от жары неба. Буква за буквой на нем проступила надпись:

Я — вечная, безгранично счастливая, всезнающая Душа!

Почему, скажи, сестрица,
Не из божьего ковша,
А из нашего напитокся
Захотела ты, душа?
Арсений Тарковский

Музыка. Звонящий гитарный перебор. Какой-то чудаковатый поет на улице в промывтый до хрустального блеска октябрьский день. Чудаков оказалось двое. Пара веселых до безалаберности дяденек собрала вокруг себя приличную толпу. И хотя пели они на неизвестном языке, но в голосах было столько искренности, что все было понятно и без слов. Точнее, разношерстная публика не столько слышала их песни, сколько видела. Редкий дар — петь сердцем. Не голосовыми связками, не умом или чувствами, а сердцем. Чтобы от певца к слушателю летели образы. Целые картины. Холсты, написанные голосом. «Живые картинки», как называли синемаатограф. Кино, которое не «светопись», а «звукотпись».

Казалось, музыканты были здесь всегда. Что они — неотъемлемая часть этой мостовой, этих стен и крыш. Впрочем, скоро выяснилось, что нет. Все же гости. Гости, восхищенные нашим городом. А импровизированный концерт под открытым небом — подарок. Дар любви

площадям, улицам, улочкам, прохожим, голубям — всем живым и не очень обитателям очаровательного, но далеко не столичного града.

Юна, Юна, что ты здесь делаешь. Почему теряешь драгоценное время на милые пустяки. Разве спасительница может отвлекаться. Разве сейчас ты имеешь право на радость. Но ноги не слушаются. Точнее, слушаются, но не голоса разума. Как приклеенная стою среди завороченных песней людей. И вдруг — ножом в сердце: «когда ты отзывалась на призывы бытия, непосильной мне казалась ноша бедная моя». Значит, все не случайно. Значит, вот он — ответ. Тихо. Осторожно. Только не спугнуть. Бережно вынести из толпы. Скорее к дневнику.

* * *

Душа. Джива. Атма. Единственный и неповторимый атом, стартовавший далеко за пределами вселенной. Нашей вселенной и всех других тоже. На грани материи и антиматерии. В полосе прибою. Примагнитенная в мир земной по своей неосторожности. А может, наоборот, вполне добровольно. То ли захотела получить роль владычицы наслаждений, то ли увлеклась декорациями, теперь уже не важно.

Желание души — закон для любящего создателя. Хочешь быть богом — прошу. Вот тебе мир. Вот тебе система управления этим миром. Дерзай. Твори по своему разумению. Наслаждайся и будь счастлива.

Легко сказать — наслаждайся. А как быть, если вокруг куча таких же «богов». И все ищут удовольствий. Одни делают это сравнительно мирным путем — играют тихонько в уголке вселенской песочницы. Куличики лепят. Или дворцы. Другим такой радости мало: надо захватить чужую игрушку, разрушить дворец, довести до слез. Тогда наступает счастье. Но оно тоже быстро улетучивается. Что ни делай в этой вселенной, как ни выжимай счастье — его становится все меньше и меньше.

Обманули. Предали. Загнали в материальную тьмутаракань, где искателей наслаждения много. Счастья — мало. И на всех — не хватит. Начинаешь защищать свое, добытое тяжким трудом счастье — оно улетучивается. Отнимешь чужое — утекает сквозь пальцы. Убежать из песочницы не получается. Призыв «остановите Землю! Я сойду» не работает. Все люки вселенской подводной лодки задраены.

Видимо, счастье не в захвате. И даже не в сравнительно честном способе отъема. Счастье — в служении. Природа наша такая. Природа воды — дарить влагу. Природа солнца — согревать. Природа яблоньки — вкусные плоды. Природа человека — служить. Чем выше объект служения, тем больше счастья. Тем дольше оно длится.

Тоска. Мировая скорбь. Дворянская хандра. Хотя мы и слышали, что «человек рожден для счастья, как птица для полета», но принимаем это буквально — если человек взлетит, то получит свое счастье. Получить-то получит. Но жиденькое. Хиленькое. Кратковременное. Пока керосин не кончится или воздушный поток к земле не прижмет.

Хотя, как бы не было кисло, некоторые души все же находят выход. Кто-то начинает служить природе и получает свою каплю счастья. Кто-то служит людям и получает две капли. Дальше — больше. Служение семье, обществу, стране, искусству, науке, мудрости — все это приносит крохи счастья. Порой «крохи» такой величины, что их хватает на множество жизней. Жизней, проведенных в радости. Но как бы не было радостно бытие, оно все равно конечно. Душа вынуждена менять тело и начинать все сначала. Значит, опять ловушка. А ведь только-только распробовала вкус счастья.

Трудно смириться с таким положением дел. Советы жужжат как назойливые мухи: «служи, будь послушна... награды не прося, не требуя венца». А вдруг обманут. Я им целый месяц служил, а меня обделили. Зачем, спрашивается, стараться, лезть из кожи. Все равно не оценят усилий.

Многие, очень многие не способны взять барьер бескорыстия. Сидят, несчастные, у порога счастья. Не в силах расстаться с обидой. Забавно, если не служить или служить ради награды, то отсутствие счастья гарантировано. Может лучше наплевать на обиду. Не бояться обмана. Пойти навстречу своей природе. Такая вот краткая теория вопроса. Делай, что должен и пусть все будет как будет. Я счастлив тем, что сделал все, что мог. И даже капельку невозможного.

* * *

Сумбурные мысли ложатся на бумагу строчка за строчкой. Получается что-то невероятное. Пишу до изнеможения. На бесконечной страничке. Бесконечной — в прямом смысле. Удивительным образом все уместается в небольшом бумажном пространстве. Канцелярские чудеса.

Морок. Кажется я отключилась. Или выпала из времени и пространства. Все та же комната. Тот же стол. Только за окном глубокая ночь. Передо мной, освещенный светом настольной лампы лежит стикер:

«Ты — душа, воплощенная на планете Земля. Здесь и только здесь можно понять природу духовного мира, обрести качества для возвращения в мир вечного счастья»

Стикер третий

Ноябрьский ветер — суровое испытание для всех странствующих и путешествующих. В это время года проще странствовать между мирами, чем по дорогам северных и даже не очень северных стран. Люди прячутся в тепло домов и уют предзимних посиделок. Кафе переполнены веселыми компаниями и влюбленными парочками. Одиночки отстраненно любят на радость человеческого общения. Чтобы потом было не так грустно возвращаться в постыльную стылость «свободы» и «независимости».

Юна, ты шикарно устроилась. Как бы над ситуацией. Оживление в зале прогоняет одиночество. Уединенность комнаты оберегает от вторжения в мысли. Не надо тратить силы на поддержание разговора. Нет нужды выдергивать себя из расслабляющей атмосферы и короткими перебежками, уворачиваясь от порывов ветра, мчаться домой. Можно в тепле и уюте просиживать над листочком с головоломкой.

«Откуда пришел?», было написано на стикере. «Откуда пришел?» — чернеют строчки на листке дневника. Откуда, откуда, откуда... Интересно, может ли аквариумная рыбка путем самопознания и самосовершенствования проложить путь к магазину зоотоваров. Вот и я о том же. Бьюсь как эта самая глупая гуппешка, шуршу плавниками и все ни с места. Или с места, но по кругу. Как бы проломить эту аквариумную стенку. Ага, проломить и сдохнуть в месиве из осколков и высыхающей воды. На ложе из водорослей. В элегантной позе.

Мягко говоря, не вариант. Думай, гуппешка, думай. Соображай. Может, действительно постучаться головой о стену. Не трагично. Так, слегка, для прочищения мозгов. Стоп. При чем тут мозги. Что, вообще, эти мозги могут за пределами аквариума. Похоже, ниточка потянулась. Ладно, мозги не могут. А что может. Воображение? Эмоции? Сердце? Что там еще предусмотрено в устройстве человека для самопознания. Премудрый системный анализ гласит, что понять устройство системы можно только извне. Опровергнуть это утверждение удалось разве что барону Мюнхгаузену, когда он себя за паричок из болота вытащил. Вместе с лошастью.

Значит, придется искать информацию извне. Знать бы еще, где ее искать. И что считать критерием достоверности. Уши — такой нежный инструмент. В них надудеть можно чего угодно. И все будет выглядеть чрезвычайно правдоподобно. Даже правдоподобнее реального положения дел. Как там говорится — больше католик, чем сам папа римский?

Кстати, вопрос на засыпку — чем правда отличается от истины? Почему есть городская правда, партийная, классовая. Но видел кто-нибудь газету «Рабочая истина»? Или журнал «Истина экономики»? Великомудрые словари толкуют, что «правда» это наше представление об «истине». Ключевое слово «представление». А представление у каждой группы человечества — свое. К тому же, зависит от времени, места и обстоятельств. Наш человек в тылу врага — отважный разведчик. Чужак, затесавшийся в наши ряды — гнусный шпион. То есть, правда ограничена интересами группы людей. А истина — свободна, вечна и обстоятельствами не обусловлена.

Ум можно обмануть сентенциями и ложными логическими построениями. Глаза тоже не слишком надежный инструмент. Как часто на волне художественной моды бездарная мазня выдается за великие произведения. Но существует один прекрасный в своей элегантности метод. Человечество давно развлекается экспериментами с цветом и музыкой. Нашло соотношение частот между звуковым и красочным спектрами. Цветомузыка. Но тогда возможно и обратное действие. Цветомузыка наоборот. Если цветовую гамму картины перекодировать в звуковую, то получившийся ряд аккордов покажет — гармония это или какофония. Причем, истина будет видна любому, самому далекому от музыки человеку.

Слова, мысли, тезисы, научные изыскания, ссылки на авторитеты — бесконечный запутанный клубок. Лента Мёбиуса. Решение где-то рядом. На кончиках пальцев. И вдруг, решение из сердца:

«Любовь к истине служит сердцу компасом. Дает реальную, а не иллюзорную картину мира. Потому что иллюзии — кружева, сплетенные из наших желаний.»

Так и запишем. Ай да я. Нет, «я» тут мало что значит, весовая категория не та — ай да Я. Лед тронулся, господа присяжные заседатели. Командовать парадом будет Я.

Очередной стикер встал на место. Формула сложилась. Осталось только подставить свои данные.

А что если набраться наглости и непосредственно обратиться к Я? Уважаемая Сверхдуша, не изволите ли помочь заблудшей овечке выпутаться из пут временного существования и оглянуться на свои истоки.

* * *

С немытым рылом да в калашный ряд. Грубое, пропитанное потом и кровью, еще не остывшее после боя существо оказалось на возвышенной планете. Что это — рай? Седьмое небо? Елисейские поля? Вальгалла? Не имеет значения. Все равно. Любая из высших планет для меня высочайшая честь и награда. Как я устал. Не от жестокости и грязи. Хотя от этого тоже. Устал искать счастье.

Обитатели этого мира столь приветливы, искренни, милосердны. Ко мне, созданию примитивному и недалекому, относятся как к другу. Как к ровне. Радуются, что мои страдания позади. Что предстоит нескончаемая череда дней и столетий, проводимых в удовольствиях и неге. Похоже, что мой счет благочестия весьма серьезен. Некие заслуги позволят пребывать здесь необозримо долго. То есть, отпуск, конечно, имеет дату окончания. Но этот срок не вмещается в мое сознание.

Но почему же так неловко. Так нерадостно на сердце. Все здешние радости похожи на взбитую пену — желудок полный, а сытости нет. Надо потерпеть. Оглядеться. Понять что к чему. О, вот она! счастливая весточка из другого измерения. Есть возможность погрузиться в срединный мир. Единственное место во вселенной, где наполняется сокровищница сердца. Количество мест ограничено. Вернее, всего одно место на десять тысяч претендентов.

Как же хочется попасть туда! Как же неловко — меня встретили лаской, а я мечтаю обойти любого из здешних обитателей, лишь бы попасть в число счастливиц. С замиранием

сердца слежу за реакцией окружающих. Только бы не согласились. Только бы не захотели. Да, я поступаю гнусно. Ведь у многих срок отпуска близок к окончанию и такая миссия — величайшая удача. Редкая. Можно сказать, уникальная. Во всяком случае, для нашего измерения и времяисчисления.

Робко прошу о милости. Прошу уступить эту вакансию. Все удивлены. Как, только при- был и уже мечтает погрузиться в мир страданий и несчастий. Похоже, моя просьба привела ко всеобщему облегчению. Для приличия меня отговаривают. Проявляют сострадание. Но лич- ность имеет право выбора. И я им воспользуюсь.

Летающий остров переносит нашу компанию на пустынный берег моря. Искренне сочув- ствующие, непонимающие взгляды. Попытки отговорить. Неразумение моей боязливой радо- сти. Ведь наполнять сокровищницу сердца очень нелегко. Придется пройти босиком по рас- каленной пустыне, по колючкам и камням. Страдать от жажды и голода. Холода и жары. Преодолевать невиданные препятствия. Хватит ли сил? Не буду ли сожалеть о своем выборе?

А если заблудишься. Заплутаешь в миражах. Останешься вечным пленником желаний.

Но я уже погрузился в этот мир. Вид улетающего острова вызывает смесь облегчения и тревоги. Выбор сделан. Мосты сожжены. Рубикон перейден. Теперь — только вперед. Навстречу трудностям и опасностям.

4. Стикер четвертый

Очередной листочек. И нет им конца и края. Семь пар железных сапог, семь железных посохов, семь железных хлебов — вот она, сказка сказок. Приятен путь, лежащий к определенной цели. А когда «пойди туда — не знаю куда»... на ощупь. В тумане. Куда идти... Камо грядеши.

Из множества множеств путей выбрать свою стежку-дорожку. Хотя чего жаловаться. Есть же голос сердца. Самый надежный и бескорыстный GPS-навигатор. Единственное условие — абсолютная честность. Сердечный указатель способен наводить только на истинные цели. Люди зачастую хотят одного, говорят другое, а думают о третьем. Вот и топчутся на месте, жмутся как слепые котята. Потом начинаются оправдания: методика не та, обман народа. Та методика. Очень даже та. А народ занимается самообманом. Желает всего и сразу. Говорит о самопожертвовании. А думает, как бы не слишком напрягаться. Только вот обескураживает отсутствие результата.

С самого детства мы постигаем мир под контролем наставников. Иногда видимых, иногда заочных. Родители становятся первыми наставниками. Папа и мама учат ходить, говорить, самостоятельно есть, одеваться и другим важным навыкам.

Школьный учитель вкладывает в наши головы основы наук, помогает наладить общение с ровесниками, расширяет представление о мире.

Тренер учит науке управления телом. Делает смелее, терпеливее, послушнее. От него мы получаем уроки достоинства. В спортзале стыдно жаловаться на мозоли и синяки. Новые элементы отрабатываются трудно, со многими повторениями. Но каждый раз рука, лонжа, голос или сила взгляда делают упражнения безопасными. Чтобы идти по этому пути, нужно абсолютно доверять наставнику. Взаимное доверие — важная наука.

Мудрецы прошлого становятся наставниками через книгу. Софокл, Шекспир, Эзоп, Тесла, Данте, Конфуций, первопроходцы разных эпох и народов делятся выстраданной мудростью. Но должен быть человек, повидавший жизнь, чтобы приложить книжную мудрость к сегодняшним реалиям. Растолковать истину согласно месту, времени и обстоятельствам.

Чтобы выбрать путь — нужен наставник. Чтобы идти по пути — нужен наставник. Чтобы вовремя перейти от одного этапа к другому — нужен наставник. Основной критерий наставника — бескорыстие. Ему не нужно от нас ни денег, ни славы, ни почестей. Истинный учитель берет немалый труд, втолковывая в нас знание. И ничего, кроме потраченного времени и сил, от этого не имеет.

* * *

Столько мыслей мечется в голове. Надо их упорядочить. Скорее на воздух. Куда-нибудь, только подальше от этой комнаты. Улочки сплетаются в улицы и выводят на площади. Шумно. Лучше в переулки, подальше от толчеи. Неожиданно дома неимоверно сужаются и хитросплетения заборов оканчиваются пустынным ноябрьским пляжем. Пограничная территория между волнами и песком. В стильном воздухе носятся чайки. Соленый воздух наполняет легкие. Ветер выбивает слезы из глаз. Но все равно хорошо. Свежесть. Четкость мысли. Простор.

Хорошо поговорить с умным человеком — с самим собой. Но еще лучше — с понимающим собеседником. Лучше с молчаливым. Интересно, может ли старая перевернутая лодка сойти за собеседника. А почему бы и нет. Классика театра — «Многоуважаемый Шкаф!».

Облупившаяся краска. Въевшийся запах йода и смолы. Сколько же ты находила за свою жизнь. Какими морскими путями-дорогами. Гонялась за рыбьими косяками, катала томных

барышень, трудилась перевозчиком домашней утвари. Тебе хорошо, ты знаешь свое предназначение. Служить людям — вот твоя задача. Для этого тебя и сделали.

А для чего создана я? Чтобы съесть сорок тысяч обедов, завтраков и ужинов? Или чтобы продолжить род человеческий и вырастить достойных отпрысков? Так поступают все, не спорю. Но что-то не бросается в глаза, что эти «все» — счастливы.

Было время, когда я думала, что счастье в управлении своим телом. Сильнее, выше, быстрее, ловче, увлекательнее, отважнее. Можно, конечно, посвятить жизнь достижению спортивных высот. Первые лет десять. Потом, если повезет, еще лет десять отбиваться от подрастающих соперников. И все. Счастье на этом заканчивается. На смену приходят приятные воспоминания «как молоды мы были». Спортсмены раньше всех познают вкус старости. Многие становятся ветеранами к тридцати годам.

Наука. Конечно, наука. Она не так зависит от физической кондиции. Ознакомиться с наследием ученой братии. Увидеть актуальные направления. Поставить цель и вперед. К вершинам научной мысли. Но уже на первом этапе видна скоротечность научных «достижений». Как-то не хочется принимать лечение от самого маститого, самого авторитетного, самого умелого доктора... позапрошлого века. Всего сто пятьдесят — двести лет и медицина безнадежно устареет. Что уж говорить о технике. Физики, математики, химики бродят вокруг таинств природы, как слепые мудрецы вокруг слона. То наткнутся на хобот и создадут теорию, что слон — это гибкая труба. То дернут за хвост и слон превращается в коротенькую веревочку. Ну а когда нащупают ногу, то слон становится гигантской колонной.

Авторитетные учения. Книги, дошедшие до нас из глубины веков. Некоторые имеют срок переиздания аж в две тысячи лет и больше. Но как пробиться к истинам сквозь неграмотность переводчиков, завалированный от невежественных умов смысл и искажения в политических целях. Авторитетных наставников почти нет. На поиски духовных учителей уйдет полжизни. И все в отрыве от друзей, родных, любимых. Нет, религиозный путь не для меня. Храмовые ритуалы пусты и не приносят радости в сердце. Может, конечно, и не пусты, но смысл их для большинства верующих темнее африканской ночи. Мой разум возмущенный протестует против такого пути.

Что же остается. Семейное счастье? Карьера? Любовь — страшная сила. На пару-тройку десятилетий может заполнить собой весь мир. Но что-то подсказывает, что и это пройдет. Дети вырастут. Супруги состарятся и надоедят друг другу. Даже если и не надоедят, то жизнь станет существованием. От весны до осени. От годовщины до годовщины. Сначала рождения и свадьбы, потом — смерти. Карьера и того примитивнее. Подставить ножку ближнему, начихать на нижнего. И все без служения делу. Конечно, можно истово служить делу просвещения в библиотеке или музее. Но даже музейные экспонаты не в состоянии подружиться с ходом времени. Что уж говорить о книжных истинах.

— То, что сегодня восхваляется с пеной у рта, завтра отправляется на макулатуру.

Должно быть я действительно разговариваю сама с собой. Иначе как этот мужичок смог вклиниться в ход моих мыслей. Да и откуда он взялся на этом пустынном пляже. Сидит себе, строгаёт деревяшку. И вдруг, ни с того, ни с сего:

— Готов Ученик — готов Учитель

— Как это?

— Да просто. Учитель появится, как только ты всем сердцем будешь готова ему предаться.

— Ничего себе, заявочки. А если он обманщик. Шарлатан. Аферист.

— Значит ты этого хотела. Иначе зачем тебе дается разум. Зоркий ум и чистое сердце отлавливают аферистов на подлете. Да и не подойдут они к чистому человеку. Чистому не в смысле хорошо помытому. Чистому помыслами и желаниями. Хотя чистота телесная само собой должна быть.

— А зачем учителю мое предание. Может, еще поклоны заставит бить.

— Конечно заставит. Иначе твою гордыню не усмирить. А с гордыней — какое учение. Ты когда в душ идешь, голову над лейкой держишь? Небось позорно кланяться какой-то железяке.

— Что за ерунда. Как же тогда грязь смывать

— Так и учитель. Ты голову перед ним склоняешь, чтобы смыть свое невежество. Грязь умственную.

— Ну хорошо, с невежеством понятно. А как быть с имуществом. Деньги там, подарки, квартиры переписывать.

— А это и есть первый шаг в выборе Учителя. Квартиры-подарки нужны лже-учителям. И приходят такие «наставники» к лже-ученикам. К людям, которые хотят получить знание и ничего для этого не сделать. Купить истину. Даже семью или ум купить нельзя. Разве что подделку. Настоящий ученик платит искренностью. Все силы ума и души направляет он по воле учителя.

— А как я пойму, что это настоящий?

— Сердце подскажет. Если сердце принимает этого человека в Учителя, если без его наставлений жизнь становится пустой — значит все правильно делаешь. Кстати, еще одна новость. Специально для тебя. Ты знаешь что такое карма?

— Да знаю, вроде. Это все ошибки, накопленные за многие жизни.

— Ну, не совсем так, но близко. Так вот, принимая ученика, учитель берет на себя все кармические обязательства. То есть глупости делала ты, а по счетам платить будет тот, кто взял на себя труд учить тебя.

— Ничего себе. А если я сбегу.

— Ты же знаешь, зачем банку требуется поручитель. Если сбежишь, то поручитель будет оплачивать твои счета.

— Так зачем Учителю такая морока.

— Потому, что он так он служит своему Учителю. Который вытащил из болота невежества и наставил на путь истинный.

Мужичок, мужичок... непростой мужичок. Куда ты делся. Только что был здесь. Наговорил всякого разного, что в голове не уместается. И как сквозь землю провалился. Только в судорожном сжатом кулаке желтеет стикер. Бережно разглаживаю бумажку.

«Готов Ученик — готов Учитель»

5. Стикер пятый

Посуда помыта, полы тоже, зал кафе сияет чистотой. Словно не было еще недавно веселой кутерьмы, жужжания голосов, бесконечных перебежек от стойки к клиентам и обратно. Ноги гудят от усталости, но на душе весело и легко. Большинство посетителей — постоянные клиенты. Милые, славные люди. Их вкусы, заказы и даже любимые столики давным-давно известны. Несмотря на непоседливое название «Путник», наше кафе кажется островком стабильности в этом изменчивом мире. Чудесный яблочный штрудель по средам, неизменные утренние, кружевной плотности блинчики и семь вариантов горячего шоколада. С корицей, ванилью, орехами, зефиром, карамелью, сливками и перцем.

Горячий шоколад от «Путника» считается лучшим во всей округе. И за ее пределами тоже. Некоторые завсегдатаи умудряются делать солидный крюк по пути на работу ради картонного стаканчика с целебным напитком. Изо дня в день, с почти с маниакальной настойчивостью, они начинают день с «путёвого» шоколада.

В городе ходят слухи, что любители нашего шоколада не боятся ожирения, диабета, повышенного холестерина. Выглядят не только здоровыми, но и счастливыми. Особо уверовавшие шепчутся, что под видом горячего шоколада «Путник» продает эликсир бессмертия. Ну, это уж совсем запредельный комплимент. Хотя и приятно. А вот то, что нашим клиентам не грозит угревая сыпь — чистейшая правда. Лучшей рекламы, чем сияющая кожа потребителей, для кэрбового «шоколада» и придумать невозможно.

Дело в том, что «Путник» готовит свои лакомства не из какао бобов, а из бобов рожкового дерева. Так называемого кэроба. От привычного какао он отличается повышенной сладостью и отсутствием психотропных веществ. Из всех ученых названий я запомнила лишь кофеин и какой-то там «бромин». В общем, без тех самых, что вызывают кофеманию и шоколадную зависимость. Так что любовь к такому напитку не искусственно — химическая, а самая что ни на есть искренняя. Для многих жителей утренний горячий кэроб стал символом здоровой жизни. И, в какой-то степени, талисманом долголетия. Не в том смысле, что продлевает отпущенные судьбой дни, а в том, что эти дни будут проведены в относительно здоровом, привлекательном теле.

Никакой тайны великой в этом нет. Как и обмана клиента. В зале, на самом видном месте висят заверения, что в нашем «шоколаде» нет ни грамма шоколада. Но люди привыкли, а мы и не спорим. Шоколад — пусть будет шоколад. Хотите — посидите за чашечкой, хотите — возьмите с собой. Кэрбовая глазурь отличается густотой и блеском. Поэтому хозяйки охотно раскупают пакетики с молотым кэробом. Нет лучшего варианта для домашних «шоколадных» тортов и печений.

Без преувеличения могу сказать, что наш напиток ценится на вес золота. Точнее, на вес в каратах. Прикол в том, что эти бобы отличаются величиной и формой. Точнее, наоборот, совсем не отличаются. То есть, абсолютно. Каждое бобовое зернышко один в один повторяет соседнее. Неизменность величины и веса сделала их универсальным инструментом для измерения драгоценных камней, металлов, пряностей и прочих сокровищ. Всем знакомо слово «карат», но мало кто знает, что произошло оно от зернышка цареградского дерева. Оно же дерево рожковое. Или кэроб.

Столь энциклопедической глубины знания я почерпнула здесь, в «Путнике». Где при желании можно узнать и больше. Но мне пока достаточно. Вполне достаточно, чтобы обслуживать клиентов и развозить заказы по офисам. Да, я кажется забыла упомянуть, что с моим появлением «Путник» смог позволить себе доставку. И даже был приобретен крохотный автомобильчик. Такой крохотный, что кроме моего тела туда помещается лишь пара-тройка коробок с заказами. Теперь веселая божья коровка со мной за рулем, мечется от офиса к офису, регу-

лярно навещает банки, агентства, магазинчики и приемную городского магистрата. Ни одно многолюдное собрание не обходится без стаканчиков с надписью «Путник». Работы на целое предприятие. Но мы управляемся вдвоем с хозяином. Вначале я пыталась понять, откуда что берется. Почему при утреннем наплыве никогда не бывает толчеи и очереди. Почему все и всегда получают свои заказы вовремя. И даже большие партии напитка доставляются без проблем. Согласно ассортименту и требуемой температуре. И еще. Никогда ни один человек не оставался на улице из-за нехватки мест. Как бы не был мал зал — в нем всегда находится место всем озябшим и проголодавшимся. Объяснение этим чудесам я поищу позднее. Если соберусь, конечно. Пока меня все устраивает. Каждый вечер, уставшая и счастливая, возвращаюсь в свою комнату. На столе лежит страничка дневника с вопросом «Что я должен делать?». Вглядываюсь в листочек, улыбаюсь и не чувствую никаких угрызений совести. Ну, ни малейших. Это не бегство от проблемы. Не лень душевная. Не равнодушие. Это — умиротворение. Уверенность, что каждый день, шаг за шагом приближаюсь к заветному решению. Не быстро, но и не медленно. В точно выдержанном ритме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.